

«Как только доходило до действия и звучала команда: «Мотор!» — для меня актеры все были равны. Конечно, они играли на японском, которого я не знаю, так что это давало им некое преимущество»

Ален Корно — Газете

ДЕВЮ

премьера

«Иногда проще управлять без углубления в психологию»

Ален Корно — Газете

По случаю показа в рамках фестиваля французского кино франко-японской ленты «Страх и трепет» создатели фильма побывали в Москве. О том, насколько трудно снимать европейское кино в Японии, режиссер картины **Ален Корно** и исполнительницы двух главных ролей — француженка **Сильви Тестю** и японка **Каори Цудзи** — рассказали корреспонденту Газеты **Игорю Потапову**.

Откуда взялась идея снять фильм именно про Японию?

Ален Корно: Я просто прочитал роман Амели Нотомб, который пользовался огромным успехом во Франции. Он мне очень понравился, и все началось именно с этого. Я вообще люблю снимать о культурах, которые далеки от моей собственной. Тем более если речь идет о персонаже, который вообще не понимает, что происходит вокруг. Потом, мне была интересна история человека, который открывает себя, который благодаря необычным обстоятельствам сумел создать сам себя. И, может быть, самая глубокая причина состоит в том, что главным персонажем была женщина. А я еще недостаточно работал с женщинами.

В ваших собственных путешествиях были ситуации, когда вам приходилось радикально менять представление о какой-то стране, культуре?

Ален Корно: Что может быть интереснее новых отношений с кем-то, кто не похож на тебя? Я всегда стремился ездить на Востоке, культура Азии всегда оказывала на ме-

ня огромное влияние. Когда впервые очутился в Индии, которой интересовался и до этого, я как будто все познавал заново. Все было причесано под абсолютно другую гребенку — и я понял, что мне еще надо учиться и учиться. Я очень люблю Индию, часто туда езжу. И чем чаще езжу, тем больше убеждаюсь в загадочности этой страны. Мне кажется, бессмысленно ездить куда-либо, чтобы потом говорить: «Все, теперь я эту страну знаю, она мне уже неинтересна».

Как вы подбирали актрису на главную роль — входило ли в число критериев отбора знание японского языка или знакомство с японской культурой? И почему вы выбрали именно Сильви Тестю?

Ален Корно: Конечно же, мне и в голову не могло прийти, что я смогу найти французскую актрису, говорящую по-японски. Зато когда вы предлагаете актрисе роль, в которой надо говорить на незнакомом ей языке, вы можете столкнуться с двумя типами реакции. Есть смелые актрисы, которые говорят: «Да, я попробую». А есть такие, которые с самого начала уверены, что они будут это

делать, что это позволит им раскрыться. И только после этого начинается их смелость, а сначала они соглашаются неосознанно. Так было и с Сильви, и хотя подготовительный период затянулся, ей все удалось.

Сильви Тестю: Он абсолютно прав, так все и было. Сначала мне показалось, что это очень здорово, что я легко выучу японский. Потом оказалось, что это безумно сложно, и, когда я разглядывала вершину горы, которую мне предстояло одолеть, становилось страшно, я думала, что с этим не справлюсь и что Ален меня просто выгонит. Я вообще-то очень ленива, если ленюсь — то ленюсь, но если надо делать — тогда делаю.

Ален Корно: Для режиссера очень важно быть уверенным в актрисе, и, когда у нее возникают сомнения, надо убеждать ее, повторять: «Ничего-ничего, все получится!»

Большинство актеров фильма были японцами, съемки тоже велись в Японии. Во время работы над картиной отношения режиссера и съемочной группы тоже строились на японских принципах иерархии и дисциплины?

Сильви Тестю (с сарказмом): Да уж, нам надо было чистить все туалеты в студии!

Ален Корно (смеясь): Это же не японский фильм! Естественно, команда была организована на французский манер. Во всяком случае, японские актеры мне говорили, что у них все по-другому, не так, как это делаю я.

Каори Цудзи: Для меня проблем с этим не было. Я говорю и по-французски, и по-английски, и я очень хорошо ладила со всеми членами французской группы. Но остальные японские актеры были не вполне уверены в том, что сумеют приспособиться к европейской манере делать фильмы. Потом многие говорили, что работа с Аленом сильно отличалась от того, к чему они привыкли. Но в итоге все были довольны.

Ален Корно: Но я еще раз хочу подчеркнуть, что это не был японский фильм. Вся история показана глазами Амели, она стала той призмой, через которую показан мир Японии. Японская команда мне говорила, что, хотя профессия у нас с ними одна, традиции — совершенно другие. Дело еще в том, может быть, что для меня японские актеры были не только исполнителями ролей, но и консультантами, источником знаний. Они меня снабжали информацией, деталями, подробностями, необходимыми для создания фильма. Они знали гораздо больше, чем я, и помогли мне — для режиссера это приятная ситуация.

Сильви Тестю: Уж во всяком случае я знала меньше всех!

Насколько ваша история универсальна? Могли бы вы снять похожий фильм о японской девушке, которая приезжает в Париж работать во французской фирме?

Ален Корно: Этот вопрос, пожалуй, надо адресовать к Каори, но, конечно же, в подобной ситуации может оказаться кто угодно и где угодно. В этом фильме очень сильна метафорическая сторона. Проблема подобных столкновений и конфликтов естественна везде, не только в Японии или Франции. В нашем случае, в Японии, это более очевидно и зрелищно, почти театрально.

Каори Цудзи: Конечно, когда я оказалась во Франции, мне было нелегко — я должна была говорить на чужом языке, выражать себя по-французски. Было очень много трудностей: я сталкивалась со многими вещами, которые сейчас мне кажутся нормальными, а тогда казались кошмарными. Амели, героиня фильма, в Японии очень многого не понимает, вот почему у нее столько проблем.

Ален Корно: Вот именно!

Насколько трудно было найти общий язык французским и японским членам группы?

Сильви Тестю: Очень трудно было на уровне лингвистическом, ведь в фильме я говорю по-японски, но я не знаю этого языка и не понимала тех слов, которые произносила. Хотя, когда хочешь понять другого человека, так или иначе все получится.

Ален Корно: На уровне актеров я не чувствовал разницы. Как только доходило до действия и звучала команда: «Мотор!» — для меня они все были равны. Ко-

нечно, они играли на японском, которого я не знаю, так что это давало им некое преимущество. Мне даже кажется, что иногда режиссеру проще управлять актерами, пользуясь только музыкой их языка, без углубления в психологию. Я распорядился ими на уровне: «жестче... мягче...» — что-то в этом роде.

Вы приводите в своей картине цитату из фильма Нагисы Осимы «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс!» про японский лагерь для военнопленных-европейцев. По-вашему, атмосфера в корпорации близка к военной?

Ален Корно: Я понял, снимая в этих конторских условиях, что иерархическое устройство бюрократии очень напоминает имперскую систему. Возникла мысль о том, что же такое — групповая идентификация, какова психология этой почти мистической иерархии? Это бросается в глаза, когда попадаешь в Японию. Помните, как в конце моего фильма Амели прощается с японскими коллегами? Мы вдруг видим за масками этих закрытых персонажей совсем других людей! Включая Фубуки — непосредственную начальницу Амели — вот кто почти до бреда доходит, вот кто настоящая жертва системы! Можно сказать, что Амели своего рода победитель, но никак не жертва. По сравнению с фильмом Осимы наша история гораздо более оптимистична, а это позволяет быть и критичным, и смешным.

Ален Корно: «Я люблю снимать о культурах, которые далеки от моей собственной» Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

Сильви Тестю: «Когда хочешь понять другого человека, так или иначе все получится» Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

Героиня Сильви Тестю даже в токийском офисном аду ухитряется не терять нежных чувств к Японии